

РЕКОНСТРУКЦИЯ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА ВСЛЕДСТВИЕ ПОЯВЛЕНИЯ ТЕСТАТИВНОГО КОМПОНЕНТА В СЕМАНТИКЕ СИХНОМОРФЕМЫ Х

Мирослав Янакиев

Софийский университет „Св. Климент Охридски“

В славянской компаративистике не подвергалось сомнению положение, согласно которому славянский праязык имел в распоряжении две сихноморфемы, содержащие в своей семантике претеритный компонент (претеритный семон, претеритон)¹⁾. Это, во-первых, морфема *х*, восходящая к праиндоевропейской морфеме, называемой обычно «формативом сигматического аориста». Во-вторых, это морфема *л*, претеритон которой трудно трактовать как континуант общеиндоевропейского семона.

Судьба сихноморфем *х* и *л* в истории славянских языков складывается по-разному. Частость употребления морфемы *л* на протяжении столетий средневековья все нарастала за счёт, главным образом, частости употребления морфемы *х*. Сегодня можно в этом глоттометрическом факте видеть подтверждение давно известной этнолингвистической закономерности сохранения пережиточных феноменов преимущественно на периферии исконно единого этнолингвистического ареала. Морфема *х* «более живуча» на крайнем юге и на крайнем западе территории, занимаемой славянскими народами – у болгар и у лужичан.

В то же время на материале истории славянских языков и, более конкретно, учитывая «судьбу» морфемы *х*, в формулировку этой закономерности следует внести уточнение: на периферии этнолингвистического ареала пережиточные феномены сохраняются благодаря приобретению новой функции под влиянием (давлением) языка соседнего этноса. У лужичан семантическая дифференцировка «исконно славянский аорист/имперфект vs. славянский *л*-перфект» в точности соответствует семантической дифференцировке «Mitvergangenheit vs. Vergangenheit» у немцев. В болгарских диалектах, в которых морфема *х* сохранилась, семантическая дифференцировка «*х* vs. *л*» в точности совпадает с семантической дифференцировкой турецких (османско-турецких) аффиксов *d* и *m...ş*.

Механизм этого типа *Fremdsprachensystemzwang* можно лучше понять с помощью аналогии (хотя *comparaison n'est pas raison!*): уходящая со своего поста морфема склонна занять другой пост – пост представителя другой фирмы.

Приобрести новую функцию морфема может, конечно, только в обстановке массового двуязычия. Такая обстановка возникла в Болгарии в эпоху «разложения турецкого феодализма (спахийства)», или, точнее, в эпоху появления и интенсивного роста товарно-денежного обмена в пределах турецкой империи, начавшегося в XVII в. Изучение болгарских текстов, возникших (именно **возникших**, а не являвшихся списками с более древних текстов) в разное время, совершенно определённо свидетельствует о том, что морфема *x* приобрела свидетельский (тестативный) компонент в семантике не ранее XVII столетия.

Связь дифференцировок «*x* vs. *л*» и «*d* vs. *т...ш*» замечена впервые болгарским лингвистом, профессором университета города Софии Беньо Цоневым. Об этой связи он сообщает в своей ректорской речи в 1910 г. В двадцатые годы Валерий Погорелов в записках, кажется, издававшихся Братиславским университетом имени Коменского, по поводу книги польского слависта Станислава Слоньского «*Tak zwane perfektum w językach słowiańskich*» сделал неудачную попытку разобраться в отношениях между *x*- и *л*-формами древнеболгарскими. В 1932 г. болгарский индоевропеист Стефан Младенов отнёс возникновение противопоставления «свидетельские vs. несвидетельские формы» к эпохе до Кирилла и Мефодия, пообещав доказать своё утверждение в специальном исследовании. Младенов не выполнил своего обещания.

Я постарался проверить истинность утверждения профессора Младенова и, как уже сказал, установил, что о свидетельском компоненте в семантике *x* следует говорить только после XVI в. Профессор Кирил Мирчев, чей я был ассистент, принял мой тезис и в своей «Исторической грамматике болгарского языка» осветил вопрос о возникновении и развитии так называемого «преизказно наклонение», приводя собранные мною факты.

Гораздо позже, уже в семидесятые годы в журнале «Език и литература» профессор Константин Попов «возродил» мнение Стефана Младенова о вероятности существования противопоставления «свидетельские vs. несвидетельские формы глагола» в эпоху Кирилла и Мефодия, не упоминая, может быть, и не зная, о дискуссии «Погорелов–Младенов». Вам, наверное, известна статья Попова. Вы сами ориентируетесь в ней. По-моему, «факты», приводимые им, не доказывают его утверждения... Но его статья для Вас останется не совсем ясной, если Вы не будете знать, что в ней он полемизирует со мной. Все филологи болгаристы ведь считают, что тезис о позднем появлении противопоставления «свидетельские vs. несвидетельские формы глагола» – *мой тезис*, тезис Янакиева.

На самом деле, как я уже Вам показал, связь этого противопоставления с аналогичным противопоставлением, бытующим с давних времён в турецком языке, первым увидел Беньо Цонев. Тезис о позднем появлении этого противопоставления принял профессор Кирил Мирчев. С этим мнением согласны многие выдающиеся болгаристы, хотя бы академик Владимир Георгиев и профессор Самуил Борисович Бернштейн. Разделял это убеждение покойный профессор Любомир Андрейчин.

Но болгарам неприятно, что их «многовековые мучители» турки повлияли, оказывается, на их язык. И – довольно симптоматичный факт: против тезиса о турецком влиянии в процессе возникновения противопоставления «свидетельские vs. несвидетельские формы глагола» резко всех выступил авторитетный тюрколог болгарин Гълъб Гълъбов. Он возразил, главным образом, против моего утверждения о существовании в XVII–XIX вв. на территории Болгарии активного и массового двуязычия.

А я ничего не мог противопоставить его утверждению, кроме собственных воспоминаний о близких мне более взрослых людях, которые без единого исключения были в состоянии легко вести разговор и изъясняться по-турецки, хотя никто из них не изучал в школе турецкий язык.

Человек маленькой нации склонен превозносить особенности родного языка. Болгарские лингвисты не чужды были искушения расценивать наличие особых «проявлений болгарского языкового гения». В период буржуазной власти в Болгарии вышла книга под названием «Българският езиков гений» (автор какой-то Л. Казанджиев), в которой именно так характеризовались пересказывательные формы. И... вдруг, это «преимущество» оказывается результатом влияния языка одиозного турка.

Выход нашёл-де К. Попов. Пусть и является влиянием чужого (в смысле неславянского) языка «пересказывательное наклонение». Но нас не обидит это влияние, если это влияние окажется влиянием «не тех турок». Пусть это будут турки, создатели болгарского государства, турки дружины Испериха, первого болгарского монарха. Как видно, это аргументация ненаучная. В явном виде, *explicite*, в статье К. Попова её нет. Однако внимательное прочтение статьи покажет, что и никакой другой аргументации там нет.

А я от своего имени ничего не публиковал по проблематике возникновения контрапозиции «свидетельские vs. несвидетельские формы». Мне самому решения этой проблематики были ясны. Ясна была и возможная общественная реакция на такую публикацию. Но я воздержался публиковать не из-за этой реакции. Ведь в среде наших лингвистов все знали о «моей» трактовке. Мне нечего было терять!

Я воздерживался публиковать, потому что я для себя не мог выяснить сущность этой контрапозиции. Я не знал, как рассказывать о ней самой, хотя я знал, как рассказать о её возникновении. Дело в том, что вслед за болгарским

лингвистом Юрданом Трифоновым профессор Любомир Андрейчин сначала характеризовал эту контрапозицию как «немодальную», а позже, под влиянием советских лингвистов, главным образом, Евгении Дёминой, поддерживаемой профессором С. Б. Бернштейном, стал трактовать «пересказывательные формы» как особое наклонение, отличное от индикатива.

На заседании кафедры болгарского языка Софийского университета, при обсуждении конспекта моих лекций по болгарскому языку в Высшей школе для работников Болгарской коммунистической партии, профессор Андрейчин согласился, что можно говорить о свидетельских и несвидетельских формах как о двух разновидностях индикатива, т. е. вернуться к его более раннему способу описания этих форм, но в своём преподавании к этому способу сам он не вернулся и в учебниках для средней школы оставил нетронутым раздел о «пересказывательном наклонении».

Я не человек так называемой «академической науки». Я преподаватель. Если я не могу себе представить, как я буду говорить студентам о данном явлении, я не в состоянии и писать о нем. После исследований Ю. Трифонова, результаты которых популяризировал и превратил в учебную материю профессор Л. Андрейчин, преодолев трактовку различия между *х*-формами и *л*-формами как различия темпорального характера, по существу никто ничего дельного в области преподавания этой материи не предлагал. Более того, те, кто моложе, проявляют тревожащую меня тенденцию излишне усложнять, даже запутывать описание многообразия форм (аллолекс) болгарской глагольной лексемы.

Я не имею права упрекать тех, кто не слушал моих лекций (как, например, Куцарова), в том, что идут по пути усложнения описания. Я несколько удивлён и, признаюсь, малость огорчаюсь тем, что мои бывшие студенты (как, например, Валентин Станков) идут по тому же пути. Но я не думаю, что, если бы я опубликовал «свою концепцию», и те и другие изменили бы свои взгляды. Для того, чтобы принять эту концепцию, необходимо раньше изменить всю «атмосферу» современной лингвистики.

И теперь, когда я уже здесь, в Москве, выяснил для себя детали преподавания об аллолексах болгарского глагола, я попробую Вам рассказать о своей (точнее, о нашей с доцентом МГУ Котовой Надеждой Васильевной) трактовке проблематики описания контрапозиции «свидетельские vs. несвидетельские формы глагола», совсем не надеясь на положительный отзыв с Вашей стороны.

Я и Н. В. Котова строим описание болгарского языка на «строго вероятностном (глоттометрическом) подходе» и на «последовательно морфем(атич)ном уровне». О «деталях» этих понятий Вы можете получить информацию из наших публикаций, оставшихся, увы, в течение долгих лет без всякого отзвука. О «главном» я здесь расскажу, так сказать, «на материале» контрапозиции морфем *х* и *л*.

Для нас теперь нет сомнения, что «нагруженной» специфической семантикой в современной болгарской языковой практике является не морфема *л*, а морфема *х*. Именно морфема *х* информирует болгарина о том же, о чем информирует турка аффикс *d*. Поскольку глагольные формы, содержащие аффикс *d*, характеризуются арабским термином *ṣihidī* 'свидетельский', я ввёл в обиход термин «свидетельский» для обозначения специфической семантики болгарских *х*-форм. Своими лекциями я этот термин сделал популярным среди болгарских лингвистов, но никто из тех, кто этим термином пользуется, не внял, к сожалению, моим просьбам учитывать последствия от введения этого термина. Важнейшее из них – необходимость расценивать *х*-формы, выражаясь терминами пражан, как «признаковый (маркированный) член морфологической оппозиции».

Стало быть, используя термин «свидетельские формы», я требовал, настаивал: не *л*-формы в болгарском языке следует рассматривать как формы, семантически наиболее специфичные, а *х*-формы; *л*-формы выглядят специфичными, становятся специфичными из-за наличия «свидетельской маркировки» в семантике *х*-форм. Сами *л*-формы, в принципе, не маркированы «отсутствием свидетельских впечатлений» и, тем более, «пересказывательностью».

Аргументация совершенно проста: при отсутствии свидетельских впечатлений болгарин ни в коем случае не употребит *х*-формы (точнее, не употребит, если не хочет соврать, что был свидетелем), а при наличии свидетельских впечатлений он частенько (разумеется, с определённой целью) пользуется *л*-формами; ergo – *л*-формы «не маркированы» (в якобсоновском смысле) признаком «отсутствие свидетельских впечатлений (интестативность)», а «оппозиция между семантикой *х*-форм и семантикой *л*-форм» по этому признаку (семону) – оппозиция субординационная («привативная», в смысле Якобсона, а не в смысле Трубецкого).

Из сказанного, конечно, не следует, что морфема *л* семантически «опустошённая». Таких морфем не бывает. Она «маркирована» положительным значением семона «антеркорность, т. е. приуроченность прекращения действия к периоду времени (моменту), более раннему, чем какой-то известный информатору момент». Но в своей статье о граммемах «настоящее время» и «будущее время» я указывал ещё на то, что по семону «ориентированность на момент», обозначенному мною буквой М, морфемы *х* и *л* противостоят также субординационно – *х* обязательно информирует о «приуроченности прекращения или прекращения действия к известному для информатора моменту», а *л* нет.

Я говорил о двух типах болгарских претеритов своим студентам так: есть претериты свидетельские, т. е. маркированные признаком тестативности (= наличия свидетельских впечатлений), и претериты, не маркированные этим признаком. И все логические «камни преткновения» в описании этой стороны

болгарской глагольной системы оставались «в стороне». Я воздерживался использовать термин «преизказно (пересказывательное) наклонение». *Л*-формы становятся «пересказывательными», точнее, начинают казаться такими благодаря контекстовым и(ли) ситуативным детерминаторам.

Я всегда требовал от своих студентов, чтобы они строжайшим образом разграничивали информацию, несомую описываемой морфемой (например, *л*), и информацию, несомую «окружением» этой морфемы. К сожалению, учитывать это требование трудно – мешает приобретённая ещё в начальной школе привычка осознавать семантику морфемы не путём извлечения (абстрагирования) ситуативного инварианта из реальных сообщений, содержащих морфему, а из строчек так называемых парадигм, т. е. наборов довольно искусственно «высекаемых», вырезаемых из реальных сообщений кусков (отрубков). Поэтому я был вынужден решать псевдопроблему построения парадигм, руководствуясь максимой: парадигмы должны состоять из кусков только очень часто встречаемых (реальных) сообщений. Поэтому я пользовался «разрешаемым» в традиционной грамматике понятием дефект(ив)ной парадигмы, но старался оставаться в ладах с логикой даже, если для этого требовалось порвать с традиционными типами парадигм.

Поясню. Проф. Л. Андрейчин строил парадигму «пересказывательного наклонения» из морфематически гетерогенных «словоформ»: в 3 л. ед. и мн. ч. отсутствовали «вспомогательные глаголы», а в 1 и 2 л. ед. и мн. ч. такие глаголы обязательно были частью форм.

Логика требует построения *двух* парадигм: одной, состоящей из форм, содержащих вспомогательный глагол; другой, состоящей из форм, не содержащих «оного». Я, чтобы освободиться от гетерогенности словоформ в пределах одной парадигмы, стал говорить, что одна парадигма является полной – состоит только из форм, содержащих вспомогательный глагол (например, *четял съм, четял си, четял е* и т. н.), а другая является дефект(ив)ной – состоит только из форм 3 л. ед. и мн. ч., не содержащих вспомогательного глагола (например, *четял, четяла, четяло, четели*).

Квазиаргумент использовал я такой: принимается же, что «парадигма» повелительного наклонения состоит только из форм 2 лица, т. е. она парадигма дефект(ив)ная!

Полную парадигму я называл «силлогистическим (умозаключительным) наклонением», а дефект(ив)ную – «парадигмой фиденциального (доверчивого) наклонения». Названия соответствовали ситуативным инвариантам, абстрагированным от реальных сообщений, содержащих эти типы форм.

Как я уже сказал, проф. Андрейчин согласился теоретически с этой трактовкой *л*-форм, но не стал её «внедрять» в учебники. А я и не настаивал на этом. Дело в том, что имплицитно «антипарадигматическое» описание у меня не было «до конца» додумано. Строгой морфем(атич)ности этих типов форм

не удавалось достичь в описании *свидетельских* (тестативных) форм: *х* отсутствует в очень частых из этих форм – формах 3 и 2 л. ед. ч. Правда, достаточным казалось запостулировать для этих форм... «нулевую алломорфу» морфемы *х*, и получилась бы парадигма «шик-модерн».

Но я и Н. Котова не склонны придумывать языковую материю там, где её нет.

Нужно было понять, почему в свидетельских формах 2 и 3 л. ед. ч. нет *х*. Ведь в аналогичных турецких формах *d* всегда имеется. Проблема оказалась «крепким орешком». Испытанный метод искать решение таких проблем – обратиться к диалектам. Диалекты – естественная форма общения на протяжении многих веков, а литературный язык – новое, не очень устойчивое образование, внедряется через школу, поэтому все эти «парадигмы» и связанные с ними «нулевые формативы» для него, так сказать, «работают», имеют реальную объяснительную силу.

Болгарские диалекты в интересующем нас аспекте мало изучены. Но и собранные нами диалектные данные все же помогли, правда, несколько странным образом. Они заставили нас призадуматься над правомерностью связывать тестативность с *х*. Есть болгарские диалекты, которым вообще чужда фонема *х*. А разграничение «тестативность vs. отсутствие информации о тестативности» в этих диалектах остаётся вроде бы актуальным. Чем в этих диалектах выражается тестативность? Морфемный анализ оставил нас «с пустыми руками». Или, точнее, заставил (для этих диалектов!) вернуться к идее о «меченности» («маркированности» или «признаковости») интестативностью, т. е. доверчивостью (фиденциальностью) морфемы *-л-*, снова проверять объяснительную силу этого варианта.

Я вырос в среде людей, разговаривавших дома «без *х*». Я знал, стало быть, такой диалект von Haus aus. Для меня было относительно легко «ставить мысленные эксперименты», да и проверять свои гипотезы я мог у отца и матери. В этом диалекте «без *х*» ярко разграничивались формы континуатива (в традиц. терм. «настоящего времени») и формы (аб)жунтива (в тр. терм. «аориста» или, по бг. «мин. свершено време»). Различались они, по крайней мере, по месту ударения (так – с глаголами *и*-класса, напр. *носи* 'носить'): в формах континуатива глаголов *и*-класса ударение всегда пенультимное, а в формах (ад)жунтива всегда ультимное (точнее, на суфф. *и*), напр., наст. вр. *но̀сим*, *но̀сиш*, *но̀си*, *но̀сима*, *но̀сите*, *но̀сат*, а аор. *но̀си*, *но̀си*,, *но̀си*, *но̀си*, *ме*, *но̀сите*, *но̀сиа*.

Но, к нашему сожалению, дело с ударениями обстояло сложно, очень сложно. Глаголы других классов вели себя иначе, кроме глаголов *а*-класса (наст. вр. *ко̀пам*, *ко̀паиш*, и т. д., аор. *ко̀па*, *ко̀па* и т. д.). Во-первых, глаголы *е*-класса *меняли* место ударения, однако, «наоборот»: в формах континуатива ударение ультимное, точнее, на суфф. *е* (*плетѐм*, *плетѐиш*, *плетѐ*,

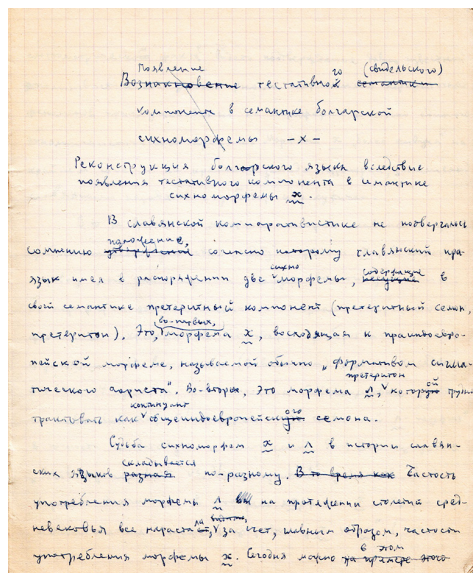
плетѣме, плетѣте, плетѣт), а в формах (ад)жунтива – пенультивное, точнее, на гласн. впереди суфф. *о/е* (*плѣто, плѣте, плѣте, плѣтоме, плѣтоме, плѣтоа*). Во-вторых, глаголы гетероклитических классов тоже «выкидывали штучки», напр., *врѣим, врѣиш, врѣи* (наст. вр., а удар. на конце), хотя в аор. суфф. другой – *врѣвѣ* 'я шел', *врѣвѣ* 'ты шел' и т. п. Срв. любопытную пару *горѣ* 'сжигает' и *горѣ* 'горит' [при аор. *горѣ* 'я (ты, он, -а -о) сжигал, -а, -о' и *горѣ* 'я (ты, он, -а, -о) сгорел, -а, -о'].

Сначала мы занялись ультимно ударными континуативными формами глаголов *е*-класса (т. е. типа *четѣ, плетѣ*). Данные об анатомии мышц, используемых в речи, давали основание предполагать, что «ударено» *ѣ* – это континуант древней симультанизации тех самых морфем, которые выступают в роли тематических суффиксов в формах глаголов *а*- и *и*-класса, т. е. *е*-класс оказывался этимологически классом форм, имеющих в своём морфемном составе как форматив *и*, так и форматив *а*. Формы типа *игрѣе* 'играет' в диалектах и литературных стилях болгарского языка свидетельствуют, во-первых, о том, что присутствие двух формативов в принципе возможно (в формах типа *игрѣе* формативы *а* и *и* не симультанны), во-вторых, о том, что ударение связано с формативом *а* [ведь в болгарских диалектах, равно, как и в литературных стилях нет ни одного случая, в котором бы, при наличии диформатива *ае* (= *аи*) ударение не падало на *а*, т. е. *ае* всегда *аѣ*].

Таким образом, континуативные формы класса *е* типа *течѣ, плетѣ* расшифровываются как состоящие из корня (*теч, плет*) и двух формативов – ударного *а* и безударного *и*, т. е. *ѣ* < *а* + *и*. Континуативные же формы с ударным *и*-формативом (типа *врѣвиш, мълчиш*) требовалась рассматривать как появившиеся в результате сочетания тех же формативов, но в иной последовательности: *ѣ* < *и* + *а*.

«Противозаконная» ультимная ударность форм континуатива («наст. вр.») получила объяснение, с точки зрения морфематики, вполне удовлетворительное. Но неультимное ударение в формах «аориста» глаголов так называемого *ох*-разряда всё оставалось непокоренной вершиной. Попробовали искать «секрет» этих форм проверкой фонологических соседей «слева». Проверка мало что дала: в списке предшествующих консонантов не было сонорных (т. е. *л, м, н, р, ѣ, в* < **ѣ*). Вспоминали и о тематическом (но асигматическом) аористе индоевропейцев: его формы в древнеболгарскую эпоху ещё существовали и сообщали о «прошедших событиях» без помощи *х*, хотя место ударения в формах неизвестно.

Древнегреческий аорист такого типа (например, (Ѣ)φύγον) свидетельствует о редуцированности корневого гласного до т. наз. «нулевой» степени (срв. φεῦγ → φύγ). О редуцированности корневого гласного в формах аориста свидетельствуют также аористные формы глаголов, в которых корни оканчивались на *ρ, н* (срв. дрбг. *вѣрахъ* при наст. вр. *вѣрж*; в западных диалектах

напна̀х 'напаял' восходит, несомненно, к дрбг. *напънахъ*, хотя наст. вр. в дрбг. *напънж* заставляет думать, что корневой гласный везде был редуцирован; с другой стороны, есть диалекты, где можно услышать *трѣбе да се понап`ънѣме* 'нам надо поднатужиться' и, однако, *понапн`аме се* '(мы) поднатужились', не говоря уже о литературном *нап`ъвам се* из **напъвам се*.

И мне пришла в голову «сумасшедшая идея» представить формы аориста (старого, досигматического) и глаголов типа *пѣко(х)*, *донѣсо(х)*, *да̀до(х)* в эпоху, более древнюю, чем эпоха Кирилла и Мефодия как сочетания из «причастий» в виде **ръкъ*,

**нъсъ*, **бъдъ* и «аффиксов принадлежности» типа турецких (и тюркских) типа **ъм*, **ъс*, **ът*. Для 1 л. ед. ч. идея эта не выглядит чересчур сумасшедшей.

Хотя компаративисты типа Aitzetmüller'a будут возражать — ведь в западнослав. языках тогда в инфинитиве корень **bъd* стал бы *bed*.

Она становится «ультрасумасшедшей», когда я представляю себе редуцированный (еровый) гласный, присутствующий во *всех* формах досигматического аориста в позиции *за* корнем в качестве причастного форматива, отмеченного притом ударением (иктом). Т. е. **ръкъ ъм*, **ръкъ ъс*, **ръкъ ът*, **ръкъ ъте*, **ръкъ ъе*, **ръкъ ънт*. В ту эпоху, более раннюю, чем эпоха «открытия слога», свершился процесс, подобный «падению слабых еров» (я поэтому и воспользовался в примере выше буквами *ь* и *ъ*, хотя еры «не те»!), подобный в том, что «за счёт» исчезновения слабого *ера ер* в предшествующем слоге «усиливался», т. е. превращался в «полноценную гласную». И при том на гласную переходило ударение — ударение не может исчезнуть. Припомню праиндоевроп. **sūnús > *sūnъ > сын*.

[Здесь, «в скобках», немножко об ударении! Есть достаточно веские основания думать, что «не то» и ударение. В совр. бг. ез. «словное» (не фразовое!) ударение представляет результат акции *Musculus Mylohyoideus*. Лениция (отсутствие акции) этой мышцы во время артикуляции гласной не что иное, как редукция. В ту древнюю эпоху наши предки, очевидно, не умели иннервировать *Musculus Mylohyoideus* отдельно от *Musculus Genioglossus*. Поэтому не было редукции, точнее, не было различия между безударными и (словно) ударными гласными. Но фразовое ударение существовало — это акция боль-

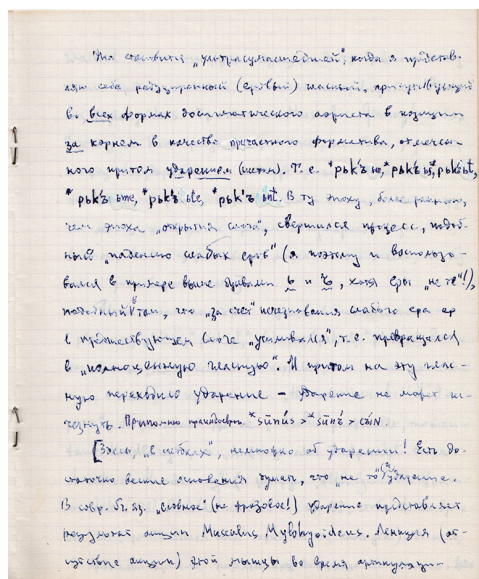
шой группы мышц, управляемых правым полушарием мозга. Оно, видимо, всегда существовало, может менять место, но без него устной речи нет.]

Итак, наша парадигма перешла в новое состояние: **pèk ьt*, **pèk ьs*, **pèk ьt*, **pèk ьte*, **pèk ьte*, **pèk ьnt*. Это так называемый «тематический (не корневой, но и не сигматический ещё; в немецкой терминологии «thematischer Aorist») аорист», обозначавший уже не «absolut punktuelle, momentane Handlung», а «Anfangs- oder Endpunkt einer durativen Handlung» (я цитирую «Altbulgarische Grammatik» (1978) R. Aitzetmüller'a, стр. 163, чтобы Вы не думали, что «сумасшедшая идея» пришла из ниоткуда). От него даже в древнеболгарских памятниках мало что осталось. Здесь необходимо указать только, что формы типа *рѣчѣ*, *ндѣ*, вопреки, пожалуй, единому мнению палеославистов, не являются континуантами форм тематического (но ещё несигматического) аориста: неоткуда взяться в этих формах конечному *ѣ*!

Теперь подошёл черёд «сигматическому аористу». Он связан с морфемой, которую называют «сигмой», хотя на самом деле фонетика этой морфемы богаче – состоит из начального гласного и конечного спиранта. Каков был этот спирант, неизвестно, но, поскольку ныне буквой *х* обозначают в славянских языках совместную акцию Musculus Styloglossus и Musculus Longitudinalis Inferior Linguae, а буквой *с* (*s*) совместную акцию Musculus Mylohyoideus и M. Long. Inf. Linguae, то можно полагать, что в древности существовал консонант, реализуемый только M. L. Inf. L., тем более что, как я уже указывал, наши предки не умели иннервировать M. Mylohyoideus отдельно от M. Genioglossus, а M. Genioglossus «ответствен» за реализацию «незадних» гласных.

Что касается гласного компонента морфемы, то он реализовался, вероятнее всего, совместной акцией Musculus Genioglossus и M. Mylohyoideus, т. е. соответствовал нынешнему болгарскому (слово)ударному *е*. Я подчёркиваю: не фразовоударному, а словоударному *е*!! Наша «аористная» парадигма ещё раз была трансформирована: **pèk (ь)ьt*, **pèk (ь)ьs*, **pèk (ь)ьt*, **pèk (ь)ьte*, **pèk (ь)ьte*, **pèk (ь)ьnt*. Это и формы так наз. «первого (или старого) сигматического аориста или формы нового (второго) сигматического аориста, а, по-моему, сочетания из «партиципиоида» и формы вспомогательного глагола, состоящего из корня **ьs* и «аффикса принадлежности».

Дальше описание *почти* соответствует традициям в палеославистике. Не соответствует в следующем: 1) перед носовыми *ь* подвергается изменению – иннервируется Musculus Hioglossus, вследствие чего артикуляция *ь* переходит в артикуляцию нынешнего болгарского *ѧ*, а если подключается и Musculus Styloglossus, то *ѧ* превратится в *ѧ̃*; 2) корневой гласный «удлиняется» только перед звукосочетанием в «окончании», но не и перед «единичным консонантом» (т. е. перед *s*, *t*); 3) *ks[ь|ѧ] > x*, *ksь > ч*. Все эти отклонения от традиций опираются на учёт работы мышц речевого аппарата.

Вам может показаться, что выше изложенное описание процесса, приведшего к странному месту ударения в формах аориста типа *рече*, невероятно сложно. Такое впечатление – результат, во-первых, желания рассказать о «расчистке площадки для строительства», во-вторых, необходимости «строить с помощью строительных лесов». Если позабыть о неприятностях «расчистки» и если «убрать лесà», описание окажется стройным и довольно простым. Я хотел (притом частично!) дать знать о той «чёрной работе», которую пришлось делать, чтобы докопаться до, в общем, несложного описания.

Вот оно «без лесов»! Предки болгар(ских славян) сообщали о том, что мы называем «континуативностью», путём превращения «основы глагола» в аналог РЕМЫ, связывая её с ударением (иктом). Наоборот, путём ударного (иктового) произнесения форматива (**i* или **a*) основу глагола делали ТЕМОЙ, «словоформа» превращалась в сообщение о «цельности (интегральности, комплексности, совершённости, перфективности, атрубутивности и т. п.)», поскольку «словоформа» становилась (ударностью форматива *a* или *u*) утверждением об отнесенности того, что обозначала основа, к классу феноменов типа «*a*» или «*u*».

До нынешнего времени «материальным носителем» семантики, которую называют неясными терминами «аорист» и «минало свършено време», является не *x*, а ударность форматива *u* или *a*. Все исключения удалось объяснить как результат хорошо известных под названиями «брахифония» и «гаплофония (ἀπλοφωνία)» процессов. Само *x* является пережитком корневого спيرانта вспомогательного глагола **esmi* (дрбг. *юсмь*, бг. *съм*).

NOTES/БЕЛЕЖКИ

1. Текстът, който публикуваме тук, е набран и обработен от Александър Иванов (организатор на Електронния архив на проф. Мирослав Янакиев). Намерен е в жилището на проф. М. Янакиев в София, ул. „Струмица“ 2, в две ученически тетрадки, грижливо написан на ръка (снимките на ръкописа са достъпни на Страниците, посветени на проф. Мирослав Янакиев: http://miryan.org/download/teza/h_and_l.pdf). Двете тетрадки са в папка с работен

и, за съжаление, непълен вариант на дисертацията на М. Янакиев на тема „Възникване и развой на така наречените глаголни форми за преизказване в българския език“ – тема, която привлича вниманието му още като студент. Този текст очевидно е замислен като лекция пред московските колеги на М. Янакиев, където той преподава почти 12 години. Навярно е писан около 1979 г., но по някакви причини тази лекция не е изнесена. Фактът, че тя е била непозната и на Надежда Василевна Котова – дългогодишен съратник и съмишленник на М. Янакиев, – прибавя към историята на текста и известна мистериозност. В лекцията си той непрекъснато се позовава на съвместните им изследвания, но не обвързва Н. В. Котова с „шурите идеи“, които представя в края на изложението си. Може би се е надявал камъните да падат само върху неговата глава. Съображенията, свързани с функционирането, с работата на мускулатурата в говорния апарат може да затруднят дори и специалист по фонетика. По-подробна информация има в *Грамматика българского языка для владеющих русским языком*. Москва, 2001, която също е достъпна на migan.org.

И няколко технически забележки по оформлението на текста. Янакиев отбелязва с `` пред гласната фразовото ударение. В края на текста в трансформациите на „аористната парадигма“ Янакиев пише „афиксите за принадлежност“, отделени от „основата“ с шпация. Даже е използвал коректорска паста, за да увеличи тази шпация, да се вижда. Изразът $ks[\text{ʔ}|\text{à}]$ трябва да се разбира по начина, който в информатиката е общоприет: квадратните скоби маркират позиция за един елемент в поредицата от символи, а в скобите са възможните „кандидати“ за тази позиция; символът (операторът) | е *изключващо или*. Следователно или $ks\text{ʔ}$, или $ks\text{à}$. Дълбоко съм благодарен на Антоанета Попова и на Зоя Кузьминична Шанова, които изчетоха и коригираха текста. З. К. Шанова предложи и няколко стилистични поправки, които са отразени в текста.

RECONSTRUCTION OF THE BULGARIAN LANGUAGE DUE TO THE APPEARANCE OF A TEST COMPONENT IN THE SEMANTICS OF THE SYNHNOMORPHEM X

Prof. Miroslav Yanakiev

University of Sofia
Sofia, Bulgaria